

УДК 304.444; 81.139

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ

Безукладова Ирина Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,
директор Департамента международных
связей ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»,
доцент кафедры филологии
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: ibesukladova@yahoo.com

Для цитирования: Безукладова И. Ю. К вопросу о формировании языковой идентичности в немецком лингвокультурном сообществе // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 207–218.

Аннотация

В статье показана роль таких экстралингвистических факторов формирования лингвистической идентичности, как: картина мира, социальные роли и стереотипы. На языковом материале показаны особенности самоидентификации немецкой языковой личности и специфика языковой категоризации социального пространства немецкоговорящих стран и общеевропейской сферы. Понятие европейской идентичности рассматривается как социальный конструкт, имеющий отношение как к личной, так и к коллективной идентичности.

Ключевые слова: идентичность; языковая идентичность; индивидуум; стереотип; социальные роли; языковая личность.

Изучение принципов формирования языковой идентичности и особенностей репрезентации межличностных и социальных отношений в языке показывает необходимость учета таких экстралингвистических факторов, соотносящихся с личностными, социальными, психологическими и национальными характеристиками

человека, как идентичность, самоидентификация, стереотипы и социальные роли.

Индивидуум познает мир, себя и других, приспосабливается к окружающей его среде, осознает и конструирует свою идентичность в процессе социализации, основным звеном которой правомерно рассматривается процесс коммуникации. Согласно теории М. Вебера, идентичность раскрывается только во взаимодействии индивидуального, социального начал и мира вещей, что возможно представить в виде семиотического треугольника „Ich” – „Wir” – „Es” [3]. В процессе социальной интеракции человек узнает и осваивает определенный набор «инструкций», на основании которых он строит свои отношения с окружающими людьми, с миром вещей, натурфактов и событий. На наш взгляд, в данном случае правомерно говорить о наличии неких векторов, направляющих мышление каждого члена конкретного национально-культурного сообщества в соответствии с определенным набором стереотипных установок – правил существования индивидуума в социуме, позволяющих ему выстраивать адекватную поведенческую модель.

Под социальной идентичностью традиционно понимается «характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (возрастной, гендерной, экономической, этнической, профессиональной и так далее)» [8]. С точки зрения психологии под социальной идентичностью понимается «один из процессов социальной идентификации, который состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически менее важными, чем общие групповые свойства. Социальная идентичность организует социальный мир в группы и определяет самого человека как члена одних групп, но не других» [7]. Процессы социализации приводят, таким образом, к тому, что индивидуум начинает осознавать себя в качестве личности, способной действовать в определенном обществе и соответствовать его требованиям.

Исследования в рамках социологии, когнитивной и социальной психологии показывают, что при формировании идентичности решающими факторами являются осознание собственной принадлежности к определенному социальному образованию, к

определенной религии, этносу, а также семейное, материальное положение, пол, возраст, воспитание, политическая ориентация и т. д. Следовательно, социальная идентичность предполагает идентификацию с людьми определенного этноса, религии, профессии и социального/социоэкономического статуса.

Становление *лингвистической идентичности* занимает центральное место в процессе социализации и формирования идентичности. Как следствие, человек воспринимает и усваивает определенные правила, в том числе правила языкового поведения, проецируя воспринимаемое на освоенные им образцы, или схемы. В процессе социализации индивидуум овладевает знаниями, в том числе знаниями об особенностях членения окружающего мира на свое и чужое, принятых в конкретном лингво- и социокультурном сообществе. Этот процесс сопоставим с процессом знакомства ребенка со своим окружением, постижением правил и норм поведения, с той лишь разницей, что ребенка направляют и исправляют взрослые, а на взрослого человека воздействует окружающий мир как источник определенного постоянного социального и межличностного контроля.

Солидаризируясь с Б. Бернштейном, отметим, что социальные отношения как переплетение интерактивного и социального взаимодействия индивидуумов и групп возможно рассматривать и как языковые отношения, так как ощущение общности, сопричастности („das Wir-Gefühl” в терминологии Б. Бернштейна [1]), т. е. чувство принадлежности к определенной группе выражается прежде всего при помощи языковых единиц различных уровней.

Еще в первой половине прошлого века в рамках символического интеракционализма был предложен тезис о том, что человек живет не только в его природном (естественном) мире, но и в мире символическом (*in einer symbolisch vermittelten Umwelt*) [11, с. 216]. Язык, по мнению Г. Мида, относится к символам, которые усваиваются человеком. Более того, язык позиционируется ученым как самая рафинированная символическая система, как «основа идентичности и мышления общественного субъекта» [11, с. 420]. Последние исследования в области когнитивной психологии показывают, что провести четкую границу между нашей собственной идентичностью и идентичностью других людей невозможно, поскольку идентичность отдельного субъекта существует и при-

существует в его опыте только при условии существования идентичности других людей, которая в определенной степени также присутствует в опыте данного субъекта.

Таким образом, отдельно взятый человек обладает идентичностью только при условии осознания им идентичностей других членов той или иной общественной группы. Размышляя о структуре идентичности отдельного индивидуума, Г. Мид отмечает, что она отражает общепринятый образец поведения его общественной группы, равно как и структуру идентичности каждого другого члена этой общественной группы и выделяет **общественную сторону индивидуума и сторону индивидуальной спонтанности** [11, с. 206] (выделено нами, И. Б.). Это означает, что выражаемая в языке идентичность некоего индивидуума постоянно проявляется и в языке других представителей определенного лингвокультурного сообщества, других членов общественной группы, т. е. тех индивидуальностей, которые в процессе коммуникации взаимодействуют с его опытом осознания собственной идентичности.

С помощью символических систем индивидуум учится принимать на себя роли других: он не только осознает свою идентичность, но и начинает видеть себя со стороны, с позиций других интерактантов, и тем самым учится соответствовать ожидаемому от него со стороны социального окружения выполнению ролей. Следовательно, становление социальной идентичности – это процесс, в котором сбалансированы как *импульсы селективной индивидуальной спонтанности*, так и *импульсы ожидаемого общественного поведения*: индивидуум воспринимает некие образцы и действует в соответствии с этими образцами, каждый раз интерпретируя контекст.

Селективное восприятие информации из внешнего мира приводит к образованию определенного набора стереотипов и клише. Х. Буссманн рассматривает стереотип как когнитивную категорию «для обозначения специфических для той или иной группы усиленных эмоционально, в основном неосознанно, укоренившихся предубеждений и представлений» [2, с. 65]. Мы предлагаем рассматривать стереотипы как *генерализованные ментальные категории*, осознавая при этом, что при генерализации («идеальный говорящий – слушающий» Н. Хомского; «идеальная женщина», «идеальный мужчина» и т. д.) из поля зрения выпадает ряд релевантных качеств и признаков.

Важным экстралингвистическим фактором формирования идентичности и языковой идентичности являются социальные роли как различные формы принятого общественного поведения человека. Под ролью в социологии и психологии понимается нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию [9, 23]. В процессе социализации человек усваивает определенную систему социальных взаимосвязей и взаимоотношений, принятых в том или ином сообществе, в том числе лингвокультурном, сохраняя при этом свою идентичность.

Исследования показывают, что в различных языковых сообществах существует свое деление на роли и своя оценка этих ролей. Очевидно, что социальные роли могут быть обусловлены как постоянными социальными характеристиками индивидуума (гендером, религией, социальным положением, профессией), так и переменными характеристиками, которые зависят от определенной ситуации (роль покупателя, пассажира, пациента, попутчика и так далее). Национально-культурная специфика языка проявляется в использовании различных языковых единиц, маркирующих соотношение постоянных и переменных (временных) ролей, выполняемых коммуникантами.

Языковой аспект проигрывания социальных ролей стал предметом исследования лингвистики со второй половины 20 века, а отношения между коммуникантами, обладающими определенными социальными ролями в момент осуществления коммуникации, стали выделяться в качестве одного из компонентов коммуникативной ситуации. Именно национально-культурное своеобразие конкретного языкового сообщества определяет особенности формирования концептуальной системы того или иного языка. Выступая как средство усвоения, хранения и передачи культурно-значимой информации, о чем писал еще В. фон Гумбольдт в своих тезисах об отражении в языке различных моделей видения мира и о языке как особом мировидении, язык является основополагающим фактором формирования картины мира того или иного языкового сообщества.

Биологические факторы, к основным из которых относятся физиологические, психологические и перцептивные особенности человека, влияют на специфику процессов восприятия, познания,

структурирования и конструирования себя и окружающего мира в языке. С другой стороны, исследования психологов, психофизиологов, социологов, антропологов и представителей ряда других областей научного знания свидетельствуют о том, что социальная среда накладывает свои ограничения на способы и особенности восприятия и структурирования человеком окружающего мира.

Солидаризируясь с Г. Х. Бриггом, отстаивающим версию о «психофизической идентичности» человека («Мы узнаем о происходящем в нашем мозге на основе смысла поведенческих реалий» [4, 110]), отметим, что смысл поведенческих реакций репрезентируется в том числе благодаря их языковому воплощению. Следовательно, если социальная идентичность является одним из компонентов идентификации, то *психофизическая идентичность представляет собой определенное ментальное состояние индивидуума*, «локализуемое» в его сознании и воплощающееся в языке.

Одним из оснований (само)идентификации является осознание человеком своей индивидуальности, своего *Я*, или своего *Эго*. С точки зрения психологии, *Эго*, или *Я*, рассматривается в качестве источника поведения и связующего центра личности в ее человеческом окружении. Представляется, что процесс осознания и интерпретация своего *Эго* возможен благодаря развитию индивидуума, его перманентному познанию собственных *телесно-духовно-душевных изменений* и осуществляется благодаря такому качеству человеческого сознания, как способность познавать внешний мир, мир духовный и собственное *Эго* в единстве. Данное положение коррелирует с идеей А. Ф. Лосева о необходимости рассмотрения антитезы *внутреннего* и *внешнего* для вычленения понятия *личности*: «поскольку личность есть самосознание, она есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама» [10, 271]. Кроме того, *Я*, или *Эго*, представляет собой личность с присущими ей характеристиками и социально одобренными формами поведения.

Рассмотрим, каким образом немецкоязычная языковая личность конструирует социальное пространство своей страны и идентифицирует себя. В первом примере социальное пространство – страна как континуум *территория* и *общество* – категоризируется как *закрытое* пространство на основе осмысления характеристик *свой – чужой* (с одной стороны, *Deutschland als ein*

Einwanderungsland (Германия как страна для переселенцев. – Здесь и далее перевод мой, И. Б.); *freiheitliche, individualistische Grundwerte dieser Gesellschaft* (основные ценности свободы и индивидуализма этого общества), с другой – *Immigranten* (иммигранты):

Deutschland muss endlich ein Einwanderungsland werden. Auf der anderen Seite muss von den Immigranten gefordert werden, dass sie die freiheitlichen, individualistischen Grundwerte dieser Gesellschaft in vollem Umfang respektieren (МК) (Германия должна, наконец, стать страной для переселенцев. С другой стороны, от иммигрантов должно требоваться, чтобы они в полном объеме уважали основные ценности свободы и индивидуализма этого общества).

Используя номинации *diese Gesellschaft, dieses Land* (это общество, эта страна), индивидуум конструирует социальное пространство на основе интерпретации характеристик *дистанцированности* и *непринадлежности* (индивидуум и пространство категоризируются как *независимые сущности*). Только наличие других языковых маркеров и знание общего контекста позволяют говорить о включенности индивидуума в это *социальное пространство*. Подобная интерпретация типична для современного немецкого языка, в отличие, например, от русского, где такая дистанцированность имеет вполне конкретную прагматическую окраску (ср.: *в моей/нашей стране* и *в этой стране, в нашем обществе* и *в этом обществе*).

Социальное пространство страны концептуализируется и как разделяемое коллективное ментальное и физическое пространство на основе интерпретации отношений принадлежности (*unser Land, das Land unsere Väter, unser Volk*) (*наша страна, страна наших отцов, наш народ*):

Wenn wir die braune Schmach wirklich vom Angesicht unseres Volkes abgewaschen haben, dann erst könnten wir unseren Toten antworten: „Ihr seid nicht umsonst gestorben!“ (Wolf) (Если мы действительно смыли коричневый позор с лица нашего народа, только тогда мы смогли бы ответить нашим мертвым: «Вы умерли не напрасно!»);

Aber unser Volk hörte nicht auf seine Dichter, es hörte auf die gestiefelten Scharlatane (Weisenborn) (Но наш народ не слушал своих поэтов, он слушал обутых в сапоги шарлатанов);

Wie zeigt sich darin noch einmal schrecklich der Abgrund, der sich zwischen Deutschland, dem Land unserer Väter und Meister, und der gesitteten Welt aufgetan hatte (Th. Mann) (*Как ужасно проявляется в этом опять та пропасть, которая образовалась между Германией, страной наших отцов и художников, и цивилизованным миром*).

Подобные номинации, использовавшиеся в послевоенной Германии, позволяли концептуализировать социальное физическое и национально-культурное пространство как *коллективное разделяемое* пространство. Характеристика *принадлежности (человек – часть пространства)* передается в приведенных выше примерах при помощи притяжательного местоимения *unser*.

Анализ языкового материала показывает, что в настоящее время представители немецкого национально-культурного общества часто используют номинации типа *diese Gesellschaft, dieses Land* (*это общество, эта страна*), рассматривая их как нейтральные. Можно предположить, что такая дистанцированность (нулевой вектор принадлежности) позволяет немецкой языковой личности на языковом уровне проводить границу между своим *приватным пространством* и *пространством социальным*.

В качестве еще одного когнитивного основания для выбора подобного способа языковой категоризации социального пространства, с одной стороны, возможно рассматривать историческую память, в которой номинации типа *mein/unser Vaterland, mein/unser Land* (*мое/наше отечество, моя/наша страна*) ассоциируются с вполне конкретными событиями немецкой истории (примечательно, что такие номинации стали очень востребованы в последнее время в националистически настроенных кругах немецкого общества, например, в риторике Пегиды (движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада» / Pegida „Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes“)). С другой стороны, процессы интеграции в единое европейское пространство также в определенной степени нивелируют значение понятия *Германия как родина*: немцы все больше идентифицируют себя как европейцы, демонстрируя определенную утрату этнической идентичности.

При категоризации *общеευропейской сферы* социального пространства человека важным является вопрос о европейской идентичности, под которой понимается чувство принадлежности граждан Европейского Союза к данному наднациональному образованию. Понятие европейской идентичности имеет отношение как к личной, в том числе культурной, социальной, так и к коллективной идентичности. Активная междисциплинарная полемика по проблематике европейской идентичности и интеграции позволила предложить научному сообществу такую трактовку, согласно которой идентичность европейцев рассматривается как некий социальный конструкт, в основании которого заложены общие историко-культурные корни, единая европейская история, равно как и приверженность общим политическим принципам (см. подробнее: [6]).

Европейские исследователи отмечают, что граждане ЕС вообще и граждане ФРГ и Австрии в частности считают для себя актуальной как национальную, так и европейскую идентичность (см., например: [5, 306]). В начале двухтысячных вопрос о приоритете одной из этих идентичностей решался индивидуально, однако уже тогда психологи, социальные психологи и социологи делали прогнозы о том, что в ближайшем будущем приоритеты могут быть расставлены в пользу европейской идентичности, что найдет свое отражение в языке. Спустя двадцать лет можно говорить о том, что они были правы, и в настоящее время подавляющее большинство граждан Германии и Австрии на вопрос *Wo kommen Sie her? (Откуда Вы?)* отвечают: *Ich komme aus EU, Ich bin Europäer etc. (Я из ЕС, Я европеец)*, а не *Ich komme aus Deutschland/Österreich, Ich bin Deutscher/Österreicher (Я из Германии/Австрии, Я немец/австриец* (при этом следует оговориться, что некоторым исключением можно считать людей старшего возраста). В данном случае налицо тенденция утраты этнической идентичности, последствия которой могут привести к тому, что сами понятия «немецкая культура», «немецкий характер», «душа немецкого народа» могут быть утрачены.

Таким образом, внешний и внутренний мир человека предстают только через призму культуры, неотъемлемой частью которой является язык, а индивидуум осознает себя *как социально способную к действию, интерактивно компетентную*

личность только в рамках коммуникации. Конструируя собственную идентичность, человек опирается на свой индивидуальный опыт межличностного и социального взаимодействия, в соответствии с которым он каждый раз заново конструирует картину мира на основе собственного субъективного восприятия действительности. Подобное конструирование осуществляется не только с опорой на актуальное личностно ориентированное восприятие действительности, окружающих его сущностей и отношений между ними, но и с учетом предшествующего субъективного опыта.

Список литературы

1. *Bernstein B.* Sprachliche Kodes und soziale Kontrolle. – Düsseldorf, 1975.
2. *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 2002.
3. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 2 Bde. – Köln, Berlin: Studienausgabe, 1964 [1921].
4. *Wright G. H. von.* On mind and matter // Journal of theoretical biology. – 1994. – Vol. 171. – Pp. 105–126.
5. *Eckert P., McConnel-Ginet S.* Language and Gender. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 366 p.
6. European Values and Identity // journals.sagepub.com. – URL: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26> (дата обращения : 10.01.2015).
7. Идентичность психосоциальная // Gufo.me : [сайт] – URL: http://mirslovarei.com/content_psy/socialnaja-identichnost-2370.html (дата обращения : 15.09.2019).
8. Идентичность социальная // Gufo.me : [сайт]. – URL: http://mirslovarei.com/content_soc/identichnost-socialnaja-6435.html (дата обращения : 15.09.2019).
9. *Кон, М. С.* Социология личности / М. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1967. – 383 с.
10. *Лосев, А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Самое само : сочинения / А. Ф. Лосев. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 205–404.

11. *Mead G. H. Geist, Identität und Gesellschaft – aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Mit Einleitung von Charles W. Morris. – Fr.a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1973 [1934].*

UDC 304.444; 81.139

ON THE FORMATION OF LANGUAGE IDENTITY IN THE GERMAN LINGUOCULTURAL COMMUNITY

Irina Yu. Bezukladova

Doctor of Philology, Associate Professor
Director

International Relations Department
Derzhavin Tambov State University
Associate Professor of Philology
Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: ibesukladova@yahoo.com

For citation: Bezukladova I. Yu. On the formation of language identity in the German linguocultural community // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 207–218. (in Russian)

Abstract

The article shows the role of such extralinguistic factors in the formation of linguistic identity as a picture of the world, social roles and stereotypes. The linguistic material shows the features of self-identification of the German linguistic personality and the specifics of linguistic categorization of the social space in German-speaking countries and in the common European sphere. The concept of European identity is viewed as a social construct that relates to both personal and collective identity.

Keywords: identity; linguistic identity; individual; stereotype; social roles; linguistic personality

References

1. *Bernstein B. Sprachliche Kodes und soziale Kontrolle. Düsseldorf, 1975. (in German)*

2. *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Gustav Fischer Verlag, 2002. (in German)
3. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 2 Bde. Köln, Berlin, Studienausgabe, 1964 [1921]. (in German)
4. *Wright G. H. von.* On mind and matter. *Journal of Theoretical Biology*, 1994, vol. 171, pp. 105–126.
5. *Eckert P., Mc Connel-Ginet S.* Language and Gender. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 366 p.
6. European Values and Identity Available at: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26> (Accessed 10.01.2015).
7. Identichnost' psichosotsial'naya [Psychosocial identity]. (in Russian). Available at: http://mirslouvrei.com/content_psy/socialnaja-identichnost-2370.html (Accessed: 15.09.2019).
8. [Social identity]. (in Russian). Available at: http://mirslouvrei.com/content_soc/identichnost-socialnaja-6435.html (Accessed: 15.09.2019).
9. *Kon, M. S.* Sotsiologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, 383 p. (in Russian)
10. *Losev, A. F.* Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1999, pp. 205–404. (in Russian)
11. *Mead G. H.* Geist, Identität und Gesellschaft – aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Mit Einleitung von Charles W. Morris. Fr.a.M., Fischer Taschenbuch Verlag, 1973 [1934]. (in German)